DOI: 10.21779/2077-8155-2026-17-2-17-32

УДК 94(470.6)"17/18":28+27

Содержание статьи

Введение.
Имперская правовая парадигма на Северном Кавказе и в Предкавказье (конец XVIII – первая треть XIX в.).
Православное и протестантское миссионерство как фактор исламо-христианского взаимодействия.
Письмо Генри Брунтона об особенностях отношений России и местных мусульманских обществ: имагологический аспект.
Заключение.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.05.2026
Передана на рецензию: 21.05.2026
Получена рецензия: 05.06.2026
Принята в номер: 25.06.2026

«Мысль о покоренности будет отравлять все их радости»: система выстраивания отношений Российской империи с мусульманскими общинами Северного Кавказа (конец XVIII – первая треть XIX в.)

***А. Т. Джумагулова*[1]**
***А. С. Сижажев*[2]**

Пятигорский государственный университет; aigul-men@mail.ru
Северо-Кавказский исламский университет имени Имама Абу Ханифы; 2007alim07@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу системы отношений Российской империи с мусульманскими общинами Северного Кавказа в конце XVIII – первой трети XIX в. На примере кабардинских и ногайских мусульманских обществ прослеживается эволюция имперской политики от гибких моделей взаимодействия, сочетавших признание шариата и адата, до военно-административного давления в период управления А. П. Ермолова. Особое внимание уделяется впервые вводимому в научный оборот письму шотландского миссионера Генри Брунтона (1804 г.), которое рассматривается как имагологический источник. Документ анализируется не только как свидетельство очевидца, но и как ранний проект реформирования системы управления на фронтире, основанный на идее трансформации традиционной социальной иерархии и смены веры. Авторы показывают, что предложенная Брунтоном модель – освобождение зависимых сословий и выселение нелояльной знати – во многом предвосхитила практические меры А. П. Ермолова 1820-х гг. В статье выявляется внутренняя неоднородность мусульманского духовенства и доказывается, что религиозный фактор служил не столько причиной, сколько инструментом в конкурентной борьбе социальных групп и в русско-турецком противостоянии. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе письма Г. Брунтона в контексте имперской правовой политики, что позволяет расширить представления о механизмах интеграции северокавказских обществ в состав Российской империи и роли внешнего наблюдателя в конструировании образа региона.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, исламо-христианское пограничье, мусульманские общины, кабардинцы, ногайцы, шариатские суды, адат, А. П. Ермолов, Генри Брунтон, шотландская миссия, интеграция, фронтир.

---

[1] *Джумагулова Айгуль Темерхановна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»; https://orcid.org/0000-0002-4067-956X.

[2] *Сижажев Алим Сарабиевич* – старший преподаватель ОО ВО «Северо-Кавказский исламский университет имени Имама Абу Ханифы»; https://orcid.org/0009-0000-5199-0882.

DOI: 10.21779/2077-8155-2026-17-2-17-32

UDC
94(470.6)"17/18":28+27

***A. T. Dzhumagulova*[3]**
***A. S. Sizhazhev*[4]**

Content of the article

Introduction.
Imperial legal paradigm in the North Caucasus and Cis-Caucasus (late 18th – first third of the 19th century).
Orthodox and Protestant missionary work as a factor of Islamic-Christian interaction.
Henry Brunton's letter on the specifics of relations between Russia and local Muslim communities: an imagological aspect.
Conclusion.

Information about the article

Received: 17.05.2026
Submitted for review: 21.05.2026
Review received: 05.06.2026
Accepted for publication: 25.06.2026

"The Thought of Subjugation Will Poison All Their Joys": Building the System of Relations between the Russian Empire and the Muslim Communities of the North Caucasus (Late 18th – First Third of the 19th Century)

Pyatigorsk State University; aigul-men@mail.ru
Imam Abu Hanifa North Caucasian Islamic University; 2007alim07@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the system of relations between the Russian Empire and the Muslim communities of the North Caucasus in the late 18th – first third of the 19th centuries. Drawing on the examples of Kabardian and Nogai Muslim societies, the evolution of imperial policy is traced from flexible models of interaction that combined the recognition of Sharia and adat to military-administrative pressure during the governorship of A. P. Ermolov. Particular attention is paid to the letter of the Scottish missionary Henry Brunton (1804), introduced into scholarly circulation for the first time and examined as an imagological source. The document is analyzed not only as an eyewitness account, but also as an early project for reforming the system of frontier governance, based on the idea of transforming the traditional social hierarchy and converting the population to Christianity. The authors demonstrate that the model proposed by Brunton – the emancipation of dependent estates and the expulsion of disloyal nobility – largely anticipated the practical measures taken by A. P. Ermolov in the 1820s. The article reveals the internal heterogeneity of the Muslim clergy and argues that the religious factor served not so much as a cause, but rather as an instrument in the competitive struggle of social groups and in the Russo-Turkish confrontation. The scholarly novelty of the study lies in a comprehensive analysis of H. Brunton's letter within the context of imperial legal policy, which makes it possible to broaden the understanding of the mechanisms of integration of North Caucasian societies into the Russian Empire and the role of the external observer in constructing the image of the region.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Islamic-Christian frontier, Muslim communities, Kabardians, Nogais, Sharia courts, adat, A. P. Ermolov, Henry Brunton, Scottish mission, integration, frontier.

Введение

Выстраивание отношений между Российской империей и мусульманскими общинами Северного Кавказа в конце XVIII – первой трети XIX в. занимает особое место в процессе формирования России как многонационального государства. Именно в этот период регион являл собой уникальный пример исламо-христианского пограничья, где закладывались основные принципы и механизмы взаимодействия власти с

[1] *Aigul T. Dzhumagulova* – Cand. Sc. (History), associate pofessor, Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University; https://orcid.org/0000-0002-4067-956X.

[2] *Alim S. Sizhazhev* – senior lecturer at Imam Abu Hanifa North Caucasian Islamic University; https://orcid.org/0009-0000-5199-0882.

мусульманским населением, определявшие характер имперской политики на протяжении всего XIX в. Русско-северокавказские отношения на этом этапе можно охарактеризовать как «совместничество» – особая форма взаимодействия, при которой стороны, сохраняя собственные интересы и не отказываясь от противоборства, были вынуждены искать компромиссы и вырабатывать взаимоприемлемые правила сосуществования [14, с. 5]. В отличие от более поздних этапов, когда сложилась относительно устойчивая система управления, рубеж XVIII–XIX вв. был временем поиска и выработки модели сосуществования с мусульманскими обществами на данной окраине империи.

Взглянуть на этот процесс глазами стороннего наблюдателя позволяет письмо Генри (Генриха) Брунтона, шотландского миссионера Эдинбургского библейского общества, адресованное доктору Джону Гриву (1804 г.). Этот документ, впервые вводимый в научный оборот, представляет собой уникальный образец имагологического источника, позволяющего реконструировать восприятие местных реалий внешним наблюдателем и его предложения по трансформации системы управления в регионе. Как писал сам Г. Брунтон: «Ногайцы являются покоренным народом в действительности, и кабардинцы полагают себя таковыми. Как бы дружелюбно и мягко с ними ни обращались, эта мысль будет отравлять все их радости» [23, л. 2]. Эта фраза ёмко передаёт суть проблемы – психологическое измерение подданства и его влияние на выстраивание отношений.

Нами для анализа системы выстраивания отношений Российской империи с мусульманскими общинами Северного Кавказа в конце XVIII – первой трети XIX в. рассматриваются две локальные общности: кабардинские и ногайские мусульманские общества. Их выбор позволяет проследить, каким образом различия в социальной организации и степени исламизированности влияли на характер правового регулирования. Особое внимание уделяется анализу механизмов организации исламских общин, преобразованиям А. П. Ермолова и их последствиям в виде конфронтации, а также взгляду внешнего наблюдателя – оценкам шотландского миссионера Г. Брунтона.

Методология исследования опирается на принципы историзма, объективности и системности в сочетании с междисциплинарным подходом. Использованы историко-генетический метод (для прослеживания эволюции правового статуса мусульманских общин), историко-сравнительный (для сопоставления кабардинских и ногайских обществ), имагологический анализ (для исследования конструирования образа «другого» в письме Г. Брунтона), проблемно-хронологический (для выделения этапов имперской политики). В качестве основного источника привлекается письмо Г. Брунтона [23], анализируемое с позиций критического источниковедения с учётом его имагологической природы. Дополнительно привлекаются законодательные акты Российской империи [20; 21], делопроизводственная документация [4; 8], а также опубликованные источники [9; 18; 19; 22; 27].

Имперская правовая парадигма на Северном Кавказе и в Предкавказье (конец XVIII – первая треть XIX в.)

Формирование религиозного ландшафта Северного Кавказа имеет глубокие исторические корни. Первые мусульмане появились здесь ещё в VII в., массовая исламизация горских и кочевых обществ завершилась лишь к концу XVIII – началу XIX в. Суннизм шафиитского толка и шиизм проникали с юга, из Месопотамии и Ирана, тогда как с севера, через Золотую Орду, утверждался суннизм ханафитского толка, ставший доминирующим для тюркоязычных народов региона. В горах Северо-Восточного Кавказа утвердился суфизм – братства накшбандийя, кадирийя и шазилийя [28, с. 493], в центральной части региона – Кабарде и у степных ногайцев суфизм не получил

значительного распространения, что отличало их от восточных соседей и оказывало влияние на характер их религиозных практик [29, с. 26–28].

Особый случай представляют ногайцы – кочевой тюркоязычный народ. Ислам начал проникать к их предкам ещё в X–XI вв., массовая исламизация завершилась в составе Золотой Орды. К XV в. ислам утвердился у ногайцев достаточно прочно, однако особенности хозяйственно-культурного быта наложили отпечаток на религиозные практики. Для ногайских обществ характерно отсутствие религиозного фанатизма, уважительное отношение к другим исповеданиям и ориентация на повседневные практики и обряды, составлявшие основу их религиозной жизни [29, с. 26–28]. Проникновение ислама на территорию Кабарды также относится к эпохе Арабского халифата и Золотой Орды, однако массовая исламизация кабардинского общества завершилась к концу XVIII в. [24, с. 89]. Процесс носил преимущественно мирный характер, сочетаясь с местными обычаями и нормами адата («адыгэ хабзэ»). Значительную роль сыграли религиозные проповедники, среди которых князь Адиль-Гирей Атажукин и мулла Исхак Абуков [1, с. 11]. Доминирующую роль в кабардинском обществе играли народные традиции и кодекс морали «адыгэ-хабзэ», которые зачастую были важнее мусульманских обычаев и шариата [10, с. 40–45]. Эти различия в хозяйственно-культурном типе и степени исламизированности определили существенные расхождения в правовом регулировании религиозной жизни двух обществ.

В середине XVIII в. Северный Кавказ административно не входил в состав Российской империи. Горские народы и кочевые общества сохраняли политическую автономию, однако территория находилась в зоне пересечения интересов двух держав – Российской империи и Оттоманской Порты. Османская империя через крепость Анапа удерживала каналы экономического и миссионерского влияния. Как отмечают исследователи, «замыкая на себя сеть торговых путей, она одновременно становилась сетью миссионерской» [24, с. 90]. Господствовавшая в регионе набеговая система служила своего рода экономическим механизмом, компенсировавшим недостаток ресурсов в местных обществах, а также инструментом укрепления социального статуса и обогащения знати [13, с. 26]. С османской стороны эта система подстёгивалась поставками оружия и выкупом пленных у местного населения, что превращало набеги в способ воздействия на ситуацию вдоль российско-турецких границ. Российская администрация, продвигая Кавказскую линию, стремилась закрепить регион в орбите своего военно-политического контроля. В результате соперничества держав регион стал исламо-христианским фронтиром, где религия выступала одновременно и фактором, и инструментом внешней политики обеих сторон [6, с. 50].

В правление Екатерины II (1762–1796) происходит значительное расширение территории империи и включение в её состав новых народов, что потребовало корректировки религиозной, военной и политической стратегии. Юридически Кабарда признавалась частью российской сферы влияния уже с 1774 г., однако реальные институты управления начали складываться там лишь в первой четверти XIX в. и формировались постепенно [27, с. 26–27]. Принятие Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи (1783 г.) изменило сложившуюся ситуацию и поставило перед властью задачу выработки новой модели взаимодействия с исламскими общинами. Тогда же, после присоединения Крыма, были приведены к присяге и кочевавшие на южных рубежах империи ногайские орды [22, с. 109–110]. Манифестом от 8 апреля 1783 г. мусульманам давалось обещание «охранять и защищать храмы и… веру, коей свободное отправление… будет неприкосновенно» [21, т. 21, с. 898]. В этих условиях имперская администрация стремилась обеспечить лояльность мусульманского населения, чтобы предотвратить его ориентацию на сопредельные державы [5, с. 175–176]. Государство перешло к более гибкой политике веротерпимости: мусульманским подданным гарантировалось свободное

исповедание веры, разрешалось строить мечети и школы, а лояльную мусульманскую элиту планировалось включить в состав российской администрации [24, с. 104].

Важнейшим шагом в оформлении ислама в имперском пространстве стало учреждение 22 сентября 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе [21, т. 22, с. 1107]. Создание этой структуры означало начало формирования среди российских мусульман своего рода «духовенства» и оформления его в особую организацию, подобную церковной [3, с. 26]. В 1794 г. указом от 23 января был создан Таврический муфтият, призванный осуществлять управление религиозными делами крымскотатарского населения [21, т. 23, с. 482]. К концу XVIII в. в империи сложились два централизованных мусульманских учреждения. При этом власти избегали создания единого религиозного центра на Северном Кавказе. Причины, как представляется, заключались не только в пограничном положении региона, но и в опасениях, что это может способствовать консолидации местных мусульманских обществ вокруг духовных лидеров. Предпочтение здесь было отдано прямому контролю над религиозной жизнью через военную администрацию. В результате религиозная жизнь местных народов оказалась в двойственном положении: формально признаваемая и защищаемая государством, она не имела централизованного управления, а правовой статус мусульманского духовенства напрямую зависел от политических и военных задач имперской администрации [6, с. 50].

Переход к региональной практике имперского управления наиболее наглядно прослеживается на примере Кабарды, где уже в 1790-е гг. началось внедрение гибридных судебных институтов. В сентябре 1793 г. по инициативе генерала И. В. Гудовича при согласии местной знати в Кабарде были учреждены родовые суды и расправы. Все они были поставлены под надзор Моздокского пограничного суда, созданного в том же году. В его состав вошли представители российской администрации (пристав Кабарды и офицер) и местная знать (6 князей и 6 уорков). Моздокский суд руководствовался российским законодательством и рассматривал дела особой важности – тяжкие уголовные и политические преступления против имперской власти. Родовые суды и расправы занимались гражданскими спорами и нетяжкими уголовными правонарушениями, опираясь на нормы местного адата и шариата [17, с. 92]. Создание Моздокского пограничного суда ограничило власть местных князей и духовенства [9, с. 12–14].

В 1805 г. князь П. Д. Цицианов подготовил проект «Об устройстве системы органов управления на Северном Кавказе», в основу которого была положена идея о признании покровительства российских властей мусульманской вере [4, с. 62–65]. Однако проект не был реализован. 25 июля 1810 г. манифестом Александра I было учреждено Главное управление духовных дел иностранных вероисповеданий, что стало важным шагом в организационном оформлении духовной жизни мусульман Российской империи, в том числе и Северного Кавказа [5, с. 15]. Однако отсутствие единой линии в действиях военных и гражданских начальников на Кавказе привело к тому, что в начале XIX в. преобладали разрозненные распоряжения, тогда как полноценные правовые документы, регулировавшие жизнь северокавказских мусульман, оставались крайне малочисленными.

В 1807 г. в Кабарде произошли глубокие правовые преобразования. Кабардинские общества сознательно избрали шариат в качестве основы новой правовой системы. В Большой Кабарде были учреждены три духовных суда – «мехкеме», действовавшие на основе норм шариата [19, с. 189–191]. Суд состоял из первосвященника (кадия или муфтия) и коллегии духовных лиц. Для исполнения решений суда существовало собрание князей во главе со старшим по возрасту (уали), что отражало соединение религиозной и светской власти [19, с. 97–98]. Реформа 1807 г. позволила мусульманскому духовенству Кабарды восстановить своё влияние, а шариат был официально признан основной правовой базой. Как отмечает анонимное «Описание кабардинцев» (1815–1818), эти суды обладали судебной властью и руководствовались нормами шариата («по Ал-Корану») [18,

с. 387]. Введение шариатских судов (мехкеме) в Кабарде в 1807 г. было выгодно не только местной знати, стремившейся восстановить свою власть, но и российскому правительству. В условиях затяжных войн с Ираном и Турцией Петербург был заинтересован в обеспечении лояльности Кабарды и шёл на определённые уступки мусульманскому духовенству, рассматривая это как необходимую меру.

Однако достигнутый в 1807 г. компромисс оказался недолговечным. С назначением в 1816 г. генерала А. П. Ермолова главнокомандующим на Кавказе имперский курс претерпел кардинальные изменения. Ермоловская стратегия на Кавказе изначально строилась на сочетании военной силы с методичным административным давлением. Он исходил из того, что умиротворение горских народов невозможно без коренного изменения их социального уклада и ограничения влияния духовенства, которое он считал главным источником антироссийских настроений. Этим, по-видимому, и объяснялось то, что его политика включала карательные экспедиции, попытки поставить мусульманские институты под контроль военной администрации и вытеснение шариата из сферы гражданского управления [13, с. 34–37].

Репрессивные действия против кабардинцев, предпринятые в 1818, 1821 и 1822 гг., сопровождались масштабными разрушениями – сожжением десятков мечетей и домов [10, с. 39–43]. Упразднение шариатских судов (мехкеме) и введение в 1822 г. Кабардинского временного суда, действовавшего по российским образцам, подорвали позиции мусульманского духовенства как самостоятельной политической силы. На основании Прокламации 9 августа 1822 г. были упразднены кабардинские суды мехкеме и созданы новые судебные органы по российскому образцу [9, с. 24–25; 12, с. 12–16]. Суд обладал широкими полномочиями, его компетенция определялась тремя параметрами: по сумме исков (до 200 рублей самостоятельно), по видам дел (только гражданские споры, уголовные – в ведении военного суда), по применяемым нормам (адаты и шариат). В сфере духовных разбирательств оставались семейно-брачные споры и дела, где светские доказательства были недостаточны для вердикта судьи [12, с. 12–16]. Учреждение Временного кабардинского суда имело долгосрочные последствия: оно фактически разрушило религиозно-правовую основу, на которой могла бы происходить консолидация кабардинского общества, и одновременно способствовало встраиванию Кабарды в имперскую административно-правовую систему.

Аналогичные процессы шли и в степном Предкавказье, в среде кочевых ногайцев. А. П. Ермолов разработал особые правила управления, утверждённые во временном «Наказе для управления ногайцами» (1824 г.). «Наказ…» стал первым нормативно-правовым актом, регламентировавшим права и обязанности ногайцев, и закрепил принцип невмешательства в разбор гражданских дел по адату и шариату. «Наказ…» упорядочивал управление ногайцами, страдавшими от отсутствия чётко регламентированных повинностей, а также, по мнению властей, от произвола мурз и злоупотреблений приставов. А. П. Ермолов объединил управление ногайцами под властью одного Главного пристава, ограничив влияние местной знати и создав административную систему управления кочевыми обществами [8, л. 8–12].

Впоследствии основные положения «Наказа…» вошли в высочайше утверждённый «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» 1827 г., который подводил итог длительному процессу поиска оптимального административного механизма для «кочевников-магометан» Предкавказских степей [20, т. 2, с. 145–155]. «Устав…» предписывал, что все выборные должности в среде номадов, включая духовных лиц (кадии, эфенди, муллы, муэдзины), утверждались Главным приставом [20, т. 2, с. 107–155]. Шариат оставался основой судебной системы ногайских обществ за исключением уголовных и военных преступлений, рассматривавшихся теперь по российским законам. Кадии руководствовались ханафитским мазхабом, сочетая его

положения с местными адатами – «маслагатным порядком». Маслагатные суды из почётных стариков рассматривали мелкие гражданские дела, их решения обретали силу, если иск не превышал 100 рублей и обе стороны были довольны исходом. Более значимые дела решали шариатские суды с участием одного-двух кадиев, широко применявшие как нормы шариата, так и обычного права ногайцев [20, т. 2, с. 145–146]. Подобная система позволяла сохранять привычные для населения механизмы урегулирования споров, что отвечало интересам как самой общины, так и имперской администрации, не располагавшей ресурсами для полной унификации судебной системы.

А. П. Ермолов ввёл также ограничительные меры в отношении паломников: пресекал связи местного духовенства с зарубежными центрами ислама, а в 1822 г. временно запретил паломничество в Мекку и Медину. Впрочем, на практике этот запрет не был абсолютным [5, с. 179]. Помимо военных акций, А. П. Ермолов широко применял методы экономического воздействия. Запрещая торговлю с отдельными горскими обществами и конфискуя имущество их членов, он создавал дополнительные рычаги давления, которые в совокупности с религиозно-политическими ограничениями делали его политику более комплексной и действенной [13, с. 114–116]. Ещё одним инструментом, призванным укрепить авторитет власти, стала введённая Ермоловым с октября 1820 г. «молитва за царя», которую предписывалось возносить во всех кавказских мечетях в торжественные дни. Сведений о том, насколько последовательно это предписание исполнялось на местах, не сохранилось [5, с. 180].

Со временем чрезмерную жёсткость в отношении мусульман пришлось признать вредной. Уже в ноябре 1826 г. начальник главного штаба барон И. И. Дибич уведомил А. П. Ермолова о необходимости более осмотрительно выстраивать отношения с кавказскими мусульманами [5, с. 180]. Ермоловская политика, сочетавшая военную жёсткость с административным контролем, привела к эскалации конфронтации и Кавказской войне (1817–1864). Тем не менее, к концу своего командования генерал начал осознавать негативные последствия избранного курса. Он предпринял попытку сменить стратегию, сделав упор на развитие торговых связей и привлечение местной знати к службе на стороне России. Однако смена курса не была доведена до конца из-за его отставки в 1827 г. Так, к исходу первой трети XIX в. отношения государства и мусульманских обществ Северного Кавказа и Предкавказья ещё только налаживались. Имперская администрация действовала методом проб и ошибок, чередуя периоды признания местных традиций с ограничительными мерами, что не могло не сказываться на устойчивости всей системы управления. Окончательная модель государственно-исламских отношений в регионе к этому времени ещё не сложилась, её формирование заняло последующие десятилетия.

Православное и протестантское миссионерство как фактор исламо-христианского взаимодействия

Главным объектом православной миссии на Северном Кавказе со второй трети XVIII в. стали осетины, которых российские миссионеры и чиновники рассматривали как «древних христиан», отпавших от веры после усиления ислама в горах Кавказа в Средние века [24, с. 101]. Аланы, прямые предки осетин, приняли христианство по византийско-грузинскому образцу уже в раннем Средневековье, о чем свидетельствуют археологические находки в верховьях Кубани и Зеленчугская надпись X в. Однако после монгольского нашествия и упадка христианства древние религиозные верования у осетин вновь возродились, замкнутый образ жизни в горах на протяжении нескольких веков (XIV–XVIII вв.) способствовал укреплению дохристианских культов [11, с. 28–29, 395–397].

Религиозная ситуация в Осетии была непростой: часть сельских общин и местная военная знать приняли ислам еще на рубеже XVII–XVIII вв. Ислам утверждался преимущественно среди высшего сословия, находившегося под влиянием кабардинской политической элиты. При этом большинство населения продолжало следовать смешанным верованиям и обрядам, сочетавшим языческие, христианские и исламские элементы [11, с. 399–401; 16, с. 824].

У истоков православного миссионерства в Осетии стояли иерархи Грузинской православной церкви. В 1744 г. при поддержке Святейшего синода они основали в Малой Кабарде Осетинское подворье, где построили храм и планировали открыть школу для подготовки местных священников. Однако существование подворья в районе традиционного османского влияния вызывало сильное недовольство Порты. В 1769 г. турки убили архимандрита подворья в Грузии и подговорили кабардинцев разгромить само подворье [7, с. 12–24].

После этого миссионерскую деятельность стала направлять Русская православная церковь, хотя среди миссионеров по-прежнему было немало выходцев из Грузии. В 1745 г., Святейший синод направил в Осетию миссию. Там начали строить церкви, крестить население и обучать основам православной веры. Миссионеры в основном возводили деревянные церкви, которые позже были заменены каменными; постройки возводились на месте развалин древнегрузинских церквей [11, с. 397]. Новокрещеным были обещаны различные льготы вплоть до материальной помощи. Однако данная практика имела существенный недостаток: принятие веры часто происходило без глубокого понимания ее основ [16, с. 825]. Архиепископ Евгений (Болховитинов) указывал, что миссионеры пропагандировали свободу и неподчинение установленным властям, а также обещали освобождение от налогов для новообращённых, что не могло привести к желаемым результатам [2, с. 61].

В 1746 г. на основе миссии была создана Кавказская комиссия для восстановления православия среди осетин и других народов Кавказа. Ее создание следует рассматривать в контексте развернувшегося в правление Елизаветы Петровны массового крещения язычников и мусульман на восточных и южных границах России. Кавказская комиссия появилась после создания в Казани в 1740 г. печально известной Новокрещеной конторы во главе с Лукой Конашевичем. Миссионерам было приказано Синодом перевести грузинский церковный устав на осетинский язык. Поскольку у осетин в то время не было собственной письменности, переводы записывались грузинскими буквами. В донесении архимандрита Иосифа от 1753 г. сообщалось, что некоторые тексты уже были переведены на осетинский язык [11, с. 397]. Немаловажно, что новокрещёные нередко тайно возвращались в ислам, а недовольство насильственными методами крещения подчас выливалось в участие в антироссийских выступлениях. Показательно, что имели место и локальные волнения, вызванные невыплатой материальных средств, обещанных при крещении. Сам факт таких требований свидетельствует о формальном, прагматическом характере принятия новой веры немалой частью местного населения [24, с. 102–103].

Обращение осетин в православие было тесно связано с переселением горцев из предгорий на равнину – в крепость Моздок, заложенную в 1763 г., а затем и во Владикавказскую крепость. Ещё до основания Моздока, в 1745–1746 гг., была создана Кавказская миссионерская комиссия, действовавшая первоначально в Кизляре. В 1764 г. после переноса центра миссионерской деятельности в Моздок там была открыта Моздокская духовная осетинская школа. В том же 1764 г. была закрыта Новокрещеная контора в Поволжье, а в 1769 г. – Осетинское подворье на Кавказе, что свидетельствовало о переориентации миссионерской политики империи на Северном Кавказе. В 1771 г. Кавказская комиссия была преобразована в Осетинскую духовную

комиссию. В 1792 г. в Моздоке была учреждена кафедра епископа Моздокского и Маджарского, а с 1793 г. там началась подготовка священников для горных селений Центрального Кавказа [11, с. 397–398]. Первым епископом Моздокским и Маджарским стал архимандрит Гаий, посвящённый в епископский сан 29 мая 1793 г.

С началом XIX в. среди осетинского населения наблюдалось увеличение числа новообращённых мусульман. Данный феномен был вызван активной миссионерской деятельностью исламских проповедников, которых поддерживали Турция и местная кабардинская аристократия, предоставлявшие новообращённым различные льготы и привилегии. Наибольшего успеха мусульманские миссионеры достигли в Дигорском и Тагаурском обществах, где их поддерживали как знать, так и простые горцы. Связи с кабардинской знатью позволили осетинам основать свои поселения в предгорной зоне. В этих обществах широко распространились мусульманские имена – Татархан, Магомет, Елмурза, Хадзимет, Хадзи-Муса, Керимхан и др. [11, с. 401; 25, с. 50–51]

Успехи Комиссии оставались скромными, и чтобы оправдать значительные затраты на её содержание, руководство прибегало к завышению показателей. Общая численность населения Северной Осетии в рассматриваемый период составляла от 40 000 до 50 000 человек, Южной Осетии – 15 000–20 000 человек. К 1830-м гг. в Северной Осетии насчитывалось не более 5 000–6 000 крещёных осетин (около 10–15 % от общего населения), в Южной Осетии – не более 1 500–2 000 (около 10 %). Остальная часть населения продолжала придерживаться дохристианских культов или исповедовала ислам. Православное миссионерство при всей его организационной и государственной поддержке не смогло стать полноценным инструментом религиозной унификации региона даже в среде традиционно считавшихся православными осетинских обществ. Несмотря на активную деятельность как православных, так и мусульманских миссионеров, осетины сохраняли свои дохристианские культы: практически каждое селение имело своего родового покровителя, а святилища (дзуары) оставались важной частью религиозной жизни [11, с. 128–129, 384, 398–399].

В отличие от православных миссий, действовавших преимущественно в среде осетин и опиравшихся на административный ресурс империи, принципиально иной подход к распространению христианства на Центральном Кавказе демонстрировали шотландские миссионеры Эдинбургского библейского общества. Их деятельность, развернувшаяся в колонии Каррас с 1802 г., была нацелена прежде всего на кабардинцев, ногайцев и абазин [26, с. 496]. Не обладая прямой государственной поддержкой, миссионеры делали ставку на переводческую и просветительскую работу. Генри Брунтон, а затем Чарльз Фрейзер перевели Евангелие на местные языки, а позднее наладили печать этих текстов в собственной типографии. Проповеди миссионеров сопровождались распространением санитарных и сельскохозяйственных знаний, материальной и врачебной поддержкой нуждающихся. Они стремились утвердить христианство через его мирную адаптацию к нуждам местных обществ [15, с. 12–15]. Несмотря на локальные успехи, обратить в новую веру удалось немногих. Миссионеры фиксировали, что крещение на местах часто носило формальный характер, в т. ч. из-за материальных пособий, выдававшихся новым членам общины. После ухода местного населения из Карраса в 1811 г. и переноса центра миссии в Астрахань ее влияние на кавказские общества сошло на нет [26, с. 499–500].

Протестантский опыт миссионеров на Северном Кавказе выявил особую черту исламо-христианского пограничья: местные народы, формально соглашаясь на межконфессиональный диалог, сохраняли традиционную религиозную идентичность. Конкуренция между православием и протестантизмом усиливала неприятие христианства и препятствовала его проникновению в регион, считавшийся традиционно мусульманским. В этом отношении опыт шотландской миссии может рассматриваться как частный случай общей закономерности – любые внешние попытки религиозной

унификации на Северном Кавказе наталкивались на устойчивость исламских традиций и стратегическое маневрирование местных элит, использовавших религиозный фактор как инструмент политического торга.

Письмо Генри Брунтона об особенностях отношений России и местных мусульманских обществ: имагологический аспект

Уникальным источником, позволяющим реконструировать восприятие событий начала XIX в. внешним наблюдателем, является письмо Генри Брунтона доктору Джону Гриву от 17 августа 1804 г. [23, л. 1–7 об.]. Документ извлечён из фонда 482 «Военные действия России на Кавказе и документы по истории народов Кавказа», что свидетельствует о его практической востребованности для российского командования на Кавказской линии. Г. Брунтон – шотландский миссионер Эдинбургского библейского общества и основатель колонии Каррас (ныне поселок Иноземцево) – в своём письме другу-доктору описывал события на Кавказе, в частности исход местных кабардинских и ногайских обществ за Кубань, и давал им оценку, основанную на личном опыте общения с горцами.

Г. Брунтон выделяет три ключевых фактора, объясняющих напряжённость в регионе. Во-первых, религиозный. Миссионер отмечает, что принадлежность к исламу предопределяла настороженное, а порой и откровенно враждебное отношение ко всем христианам [23, л. 2]. В основе этого восприятия, по мнению автора, лежат не столько бытовые противоречия, сколько догматические установки, транслируемые местным духовенством: «Эти тексты являются обычными проповедями почти каждого ногайского и черкесского священника» [23, л. 2 об.]. Вместе с тем, Брунтон отмечает неоднородность религиозной риторики: «этот… фанатизм, однако, несомненно, сильнее всего в тех, кто полагает, что имеет заинтересованность в его поддержке» [23, л. 5]. Тем самым он проводит различие между пропагандой элит и реальными настроениями рядовых членов общин, которые, по его мнению, при условии защиты от произвола вождей были бы открыты к взаимодействию с властью.

Во-вторых, социально-политический фактор. Г. Брунтон демонстрирует глубокое знание сословной структуры кабардинского и ногайского обществ, детально описывая их социальную иерархию. Высшее положение занимают султаны – «сыновья ханов» (речь идёт о выходцах из крымской династии Гиреев, традиционно сохранявших высокий статус среди ногайцев и кабардинцев), чьи особы неприкосновенны; за ними следуют мирзы, равные по статусу кабардинским бекам; уздени и уорки составляют следующую ступень, некоторые из них столь же богаты, как мирзы, но находятся в зависимости от беков. Ниже располагаются логаны, чьё положение не лучше, чем у рабов [23, л. 4 об.]. Миссионер прямо связывает эмиграцию (уход за Кубань на турецкую сторону) с интересами высшей знати: «Если бы не беки, мирзы, уорки, уздени и священники, мы бы не слышали ни об эмиграции, ни о мятеже ногайцев и черкесов» [23, л. 4 об.]. Он подчёркивает, что вожди обладают «весьма абсолютной властью над народом» и используют её для сохранения своего положения [23, л. 4 об.]. Примечателен его анализ зависимости. Автор пишет, что свободные люди, поклявшись вождям и богатым узденям в обмен на дары или иные обязательства «жить вместе с ними до конца своих дней», тем самым «продали себя и ввергли свое потомство в вечное рабство» [23, л. 4]. Ключевую роль в этом механизме играла не столько формальная принадлежность к тому или иному сословию, сколько личная клятва верности, ставившая человека и его потомков в пожизненную зависимость от знати. Брунтон обосновывает тезис о том, что сословное неравенство и институт личной зависимости превращают основную массу населения в заложников воли аристократии, и именно в этом видит ключевую причину нестабильности.

В-третьих, фактор расширения зоны конфликта. Брунтон фиксирует, что противостояние выходит за рамки локальных обществ: в конфликт включаются племена, прежде не находившиеся в зоне прямого взаимодействия с российскими властями, и эскалация всё заметнее смещается в сторону религиозного противостояния [23, л. 5]. Автор подчёркивает, что в этой ситуации значительную роль играет непоследовательность российской администрации, которая практиковала возврат беглых горцев вождям и не предоставляла действенной защиты зависимым сословиям. Это усиливало недоверие и подталкивало колеблющиеся группы к переходу на сторону противника.

Особую научную ценность представляет его проект реформирования системы управления в зоне фронтира. Миссионер предлагает два шага: 1) «предложить свободу и землю для поселения» всем нерабам, чтобы они могли служить российским форпостом, «прикрывать форты и защищать их от набегов горцев»; 2) «вывезти беков, мирз, богатых узденей, уорков, имамов и мулл… на значительное расстояние за линию и сформировать из них поселения по отдельности» [23, л. 5 об., 6]. Эти предложения, изложенные частным лицом в 1804 г., предвосхитили комплекс мер, который позднее, в 1820-е гг., начал внедрять генерал А. П. Ермолов, в частности перевод бывших зависимых сословий на положение оседлых поселенцев и выселение нелояльной элиты вглубь империи. Миссионер шёл ещё дальше: условием окончательной интеграции он полагал отказ местного населения от ислама. «Каждый надлежащий шаг должен быть предпринят, чтобы побудить их отречься от магометанской религии», – писал он, видя в этом залог устойчивости всего предлагаемого им проекта [23, л. 6].

Значительный интерес представляет свидетельство Г. Брунтона о позиции местного мусульманского духовенства: «магометанский священник деревни, где мы живем, полностью разделяет мои взгляды и очень желает видеть их осуществленными. Он считает, что ногайские вожди, которые не покинули империю, должны быть непременно вывезены вместе с остальными» [23, л. 7 об.]. Этот факт указывает на неоднородность позиций мусульманской элиты и духовенства в начале XIX в. Часть местных священнослужителей, осознавая деструктивность политики аристократии, была готова к сотрудничеству с военными и даже с протестантскими миссионерами ради стабильности. На практике отношения между различными группами населения в регионе не сводились к простому конфессиональному противостоянию, а включали элементы сотрудничества и «совместничества», продиктованных конкретными обстоятельствами.

Анализ письма Генри Брунтона позволяет реконструировать реформаторскую модель, предложенную европейским миссионером на раннем этапе интеграции региона в состав империи. Являясь современником описываемых событий, Брунтон предлагал способы организации управления через трансформацию традиционной социальной иерархии и внедрение новых порядков, конечной целью которых мыслилась смена веры. Настоящий источник способствует пониманию формировавшейся системы отношений не только с позиций военного командования и местных обществ, но и через призму рефлексии европейского миссионера, ищущего пути установления порядка и достижения собственных целей в зоне активного культурного и военно-политического соприкосновения.

Заключение

Интеграция Северного Кавказа в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX в. носила характер сложного и нелинейного процесса. Имперская администрация, действовавшая в условиях исламо-христианского фронтира, была вынуждена вырабатывать гибкие подходы к управлению, постоянно балансируя между военно-административным давлением и стремлением сохранить лояльность местных мусульманских обществ.

Сравнительное изучение имперской политики в Кабарде и у ногайцев Предкавказья показало, что стратегии управления напрямую зависели от хозяйственно-культурного типа и степени исламизированности населения. В оседлой Кабарде власть первоначально пошла по пути признания шариатских судов (мехкеме), однако с 1822 г. они были упразднены и заменены Кабардинским временным судом. Этот шаг означал курс на ограничение шариата и включение местного населения в общеимперское правовое поле. Ликвидация шариатских судов, не подкреплённая комплексной социальной программой, привела не к стабилизации, а к эскалации напряжённости. В среде кочевых ногайцев упорядочение управления было связано с созданием единой административной системы во главе с Главным приставом, введением «Наказа для управления ногайцами» 1824 г. и последующего «Устава…» 1827 г. Эти меры в целом заложили основы для интеграции ногайцев в имперскую систему и имели успех.

Имперская политика в регионе на в конце XVIII – начале XX в. не была линейной или последовательной. Она представляла собой сложный, внутренне противоречивый процесс, в котором сочетались элементы гибкого учёта местных традиций и жёсткого военно-административного давления. Особую роль в понимании данного процесса играет письмо Г. Брунтона (1804 г.). Анализ документа позволяет реконструировать взгляд европейского миссионера на природу конфликта. Автор полагал, что ключевая причина напряжённости в регионе, эмиграции и мятежей кроется не столько в религиозном фанатизме, сколько в сословном неравенстве и непоследовательности российской администрации. Он прямо указывает на пагубную практику возврата беглых горцев их вождям. Это создавало у зависимых сословий ощущение отсутствия альтернативы, а у знати – уверенность в безнаказанности. Эта непоследовательность, как можно заключить из логики документа, не позволяла преодолеть ту самую «мысль о покоренности», которая, по словам Брунтона, «отравляла все их радости» [23, л. 2].

Предложенный Брунтоном сценарий – освобождение зависимых сословий с предоставлением земли, с одной стороны, и высылка нелояльных элит (беков, мирз, имамов) за линию – с другой – в значительной мере совпадает с теми мерами, которые позднее, в 1820-е гг., пытался внедрить генерал А. П. Ермолов. Упразднение мехкеме и создание Кабардинского временного суда в 1822 г., а также введение «Устава для управления ногайцев…» 1827 г. стали прямым воплощением идеи правового и социального «разделения» обществ. Данное обстоятельство позволяет рассматривать письмо Г. Брунтона не только как свидетельство очевидца, но и как ранний документально зафиксированный проект «гибридного» управления, в котором элементы имперского законодательства должны были вытеснить власть традиционной аристократии.

Анализ письма Г. Брунтона также вносит важные коррективы в представление о роли мусульманского духовенства. В историографии часто подчёркивается тезис о том, что исламское духовенство выступало главным идеологом сопротивления. Однако приведённое в настоящей работе свидетельство Брунтона о местном мулле, который «полностью разделял его взгляды» и желал выселения вождей, ставит этот тезис под сомнение. Это указывает на наличие противоречий внутри самого исламского сообщества Северного Кавказа в начале XIX в. Часть духовенства, связанная с местными общинами и озабоченная стабильностью, была готова к сотрудничеству с администрацией. В связи с этим представляется более корректным говорить не о «мусульманском» сопротивлении, а о конкуренции различных кланов и социальных групп внутри традиционных обществ, где религиозная принадлежность служила лишь одним из инструментов политической борьбы.

Восприятие местных обществ внешним наблюдателем – отдельная проблема, заслуживающая внимания. Г. Брунтон, будучи протестантским миссионером, смотрел на местное население через призму привычных ему представлений о «прогрессе» и «варварстве». Его видение не было свободно от европоцентричных установок, хотя, в

отличие от многих современников-офицеров, он демонстрировал глубокое знание внутренних механизмов социального устройства и правовых практик ногайцев и кабардинцев. Однако ни это знание, ни свободное общение с местными жителями не сделали его частью их мира и не обратили их в его веру: барьер между «своими» и «чужими» оставался непреодолимым.

Наиболее продуктивные этапы интеграции были связаны с готовностью империи к правовому компромиссу и поиску гибридных форм управления, учитывающих местные адаты и шариат. Отказ от этой модели в пользу жёсткой унификации неизбежно приводил к углублению социокультурного отчуждения. Пока в сознании местных обществ сохранялась «мысль о покоренности», любые внешние усилия по выстраиванию устойчивых отношений наталкивались на внутреннее сопротивление. Это обстоятельство во многом предопределило затяжной и драматичный характер окончательного вхождения Северного Кавказа в состав империи в течение всего XIX столетия.

Литература

1. Аккиева, С. И. Ислам в Кабардино-Балкарской Республике / под ред. А. В. Малашенко; С. И. Аккиева. – Москва: Логос, 2009. – 133 с.

2. Амелина, Я. А. Мусульмане Северной Осетии: патриотический вектор / Я. А. Амелина // Мусульманский мир. 2014. № 2. – С. 56–69.

3. Арапов, Д. Ю. Имперская политика в области государственного регулирования ислама на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. / Д. Ю. Арапов // Ислам и право в России. – Москва: Издательство РУДН, 2004. Вып. 1. – С. 26–38.

4. Арапов, Д. Ю. Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика / сост., авт. вступ. ст., коммент. и прил. Д. Ю. Арапов. – Москва: Академкнига, 2001. – 366 с.

5. Арсанукаева, М. С. Государственное регулирование духовной жизни мусульман Северного Кавказа (XIX – начало XX в.) / М. С. Арсанукаева // Dzieje biurakracji. 2019. Tom IX. – С. 173–204.

6. Бабич, И. Л. Антропология власти и ислам / И. Л. Бабич. – Москва: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – 240 с.

7. Блиев, М. М. Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. / М. М. Блиев. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. – 89 с.

8. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 249. Оп. 3. Д. 167.

9. Грабовский, Н. Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе / Н. Ф. Грабовский // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1870. Вып. IV. – С. 1–72.

10. Емельянова Н. М. Мусульмане Кабарды / под ред. А. В. Малашенко; Н. М. Емельянова. – Москва: Граница, 1999. – 140 с.

11. Калоев, Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование / Б. А. Калоев. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва: Наука, 2004. – 472 с.

12. Кетов Ю. М. Обычное право и суд в Кабарде во второй половине XVIII – XIX веке: автореф. дис. … канд. юр. наук / Ю. М. Кетов. – Ростов-на-Дону, 1998. – 24 с.

13. Клычников, Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827): дис. ... канд. ист. наук / Ю. Ю. Клычников. – Армавир, 1998. – 265 с.

14. Клычников, Ю. Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений / Ю. Ю. Клычников // Известия научно-педагогической Кавказоведческой школы В. Б. Виноградова. – Вып. 9. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 108 с.

15. Краснокутская, Л. И. Шотландская миссия на Северном Кавказе, 1802–1835 гг. / Л. И. Краснокутская. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2018. – 307 с.

16. Кулиев, Ф. М. Специфика и особенности конфессиональной политики Российской империи в Осетии в конце XVIII – первой половине XIX в. / Ф. М. Кулиев, С. К. Осипов, К. В. Каспарян // Minbar. Islamic Studies. 2024. Vol. 17, no. 4. – С. 820–839.

17. Кумыков Т. Х. Из истории судебных учреждений в Кабарде / Т. Х. Кумыков // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1957. Т. XIII. – С. 90–101.

18. Неизвестный автор. Описание кабардинцев, 1815–1818 гг. // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1957. Т. XIII. – С. 385–390.

19. Ногмов, Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым, дополненная предисловием и исправленная сыном его Ерустан-Шора-Бекмурзин-Ногмовым / Ш. Б. Ногмов. – 3-е изд. – Пятигорск: Ерустан-Шора-Бекмурзин-Ногмов, 1891. – 144 с.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: в 55 т. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885.

22. Потто, В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. / В. А. Потто. – Санкт-Петербург: Издание книжного склада В. А. Березовского, 1887. Т. 1. – 737 с.

23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 482. Оп. 1. Д. 186.

24. Северный Кавказ в составе Российской империи / под ред. В. О. Бобровникова, И. Л. Бабич. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.

25. Уарзиати, В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа / В. С. Уарзиати. – Орджоникидзе: Ир, 1990. – 189 с.

26. Фоменко, В. А. История колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев XIX – первой половины XX века: современный этап изучения / В. А. Фоменко, А. Т. Джумагулова // Научный диалог. 2021. № 7. – С. 496–512.

27. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Т. Юзефович. – Санкт-Петербург, 1869. – 326 с.

28. Ярлыкапов А. А. Ислам и традиция на Северном Кавказе / А. А. Ярлыкапов // Этническое и религиозное многообразие России (под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова). – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ИЭА РАН, 2018. – С. 492–506.

29. Ярлыкапов, А. А. Ислам у степных ногайцев / А. А. Ярлыкапов. – Москва: ИЭА РАН, 2008. – 266 с.

References

1. Akkieva Svetlana I. *Islam in the Kabardino-Balkarian Republic* (edited by A. V. Malashenko). Moscow: Logos, 2009. 133 p. (In Russian)

2. Amelina Yana A. Muslims of North Ossetia: A Patriotic Vector. *Muslim World*, no. 2 (2014): 56–69. (In Russian)

3. Arapov Dmitriy Yu. “Imperial Policy in the Sphere of State Regulation of Islam in the North Caucasus in the 19th – Early 20th Centuries”. *Islam and Law in Russia*. Moscow: RUDN Publishing House, issue 1 (2004): 26–38. (In Russian)

4. Arapov Dmitriy Yu. *Islam in the Russian Empire: Legislative Acts, Descriptions, Statistics*. Moscow: Akademkniga, 2001. 366 p. (In Russian)

5. Arsanukaeva Malika S. “State Regulation of the Spiritual Life of Muslims in the North Caucasus (19th – Early 20th Centuries)”. *Dzieje biurakracji*, vol. IX (2019): 173–204. (In Russian)

6. Babich Irina L. *Anthropology of Power and Islam*. Moscow: IPK MGLU "Rema", 2009. 240 p. (In Russian)

7. Bliev Mark M. *The Ossetian Embassy to Petersburg 1749–1752*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 1961. 89 p. (In Russian)

8. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Col. 249. Ser. 3. F. 167. (In Russian)

9. Grabovskii N. F. Essay on the Court and Criminal Offenses in the Kabardian District. In *A collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis, 1870, issue IV. Pp. 1–72. (In Russian)

10. Emel'yanova Nadejda M. *Muslims of Kabarda* (ed. by A.V. Malashenko). Moscow: Granitsa, 1999. 140 p. (In Russian)

11. Kaloev Boris A. *Ossetians: Historical and Ethnographic Study*. 3rd ed., suppl. and rev. Moscow: Nauka, 2004. 472 p. (In Russian)

12. Ketov Yu. M. *Customary Law and Court in Kabarda in the Second Half of the 18th – 19th Centuries*: Author's abstract of Candidate's thesis (Jurisprudense). Rostov-on-Don, 1998. 24 p. (In Russian)

13. Klychnikov Yu. Yu. *The Activities of A. P. Ermolov in the North Caucasus (1816–1827).* Author's abstract of Candidate's thesis (History). Armavir, 1998. 265 p. (In Russian)

14. Klychnikov Yu. Yu. Coevolution: a Retrospective Analysis of the Specifics of Russian – North Caucasian Relations (ed. by S.L. Dudarev). *News of the V. B. Vinogradov Academic and Pedagogical Caucasian Studies School*. Pyatigorsk: PSU, 2018, issue 9. 108 p. (In Russian)

15. Krasnokutskaya Lidiya I. *The Scottish Mission in the North Caucasus, 1802–1835*. Pyatigorsk: RIA-KMV, 2018. 307 p. (In Russian)

16. Kuliev F. M., Osipov S. K., Kasparyan K. V. "Specifics and Features of the Confessional Policy of the Russian Empire in Ossetia in the Late 18th – First Half of the 19th Century". *Minbar. Islamic Studies*, Vol. 17, no. 4 (2024): 820–839. (In Russian)

17. Kumykov Tugan Kh. From the History of Judicial Institutions in Kabarda. *Academic Notes of the Kabardino-Balkarian Research Institute*, vol. 13 (1957): 90–101. (In Russian)

18. Unknown author. Description of the Kabardians, 1815–1818. *Academic Notes of the Kabardino-Balkarian Research Institute*, vol. 13 (1957): 385–390. (In Russian)

19. Nogmov Shora B. *History of the Adyghe People, Compiled from the Traditions of the Kabardians by Shora-Bekmurzin-Nogmov, Supplemented with a Preface and Corrected by His Son Erust.-Shora-Bekmurzin-Nogmov*. 3rd ed. Pyatigorsk: Erustan-Shora-Bekmurzin-Nogmov, 1891. 144 p. (In Russian)

20. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. December 12, 1825 – February 28, 1881. In 55 vols. St. Petersburg: Typography of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830–1885. (In Russian)

21. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. 1649–1825. In 45 vols. St. Petersburg: Typography of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. (In Russian)

22. Potto Vasiliy A. *The Caucasian War in Separate Essays, Episodes, Legends and Biographies*. In 5 vol. St. Petersburg: Published by V. A. Berezovsky's book warehouse, 1887, vol. 1. 737 p. (In Russian)

23. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Col. 482. Ser. 1. F. 186. (In Russian)

24. Bobrovnikov Vladimir O., Irina L. Babich, eds. *The North Caucasus within the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review, 2007. 460 p. (In Russian)

25. Uarziati Vilen S. *The Culture of the Ossetians: Ties with the Peoples of the Caucasus*. Ordzhonikidze: Ir, 1990. 189 p. (In Russian)

26. Fomenko V. A., Aygul T. Dzhumagulova "History of the Colony of Karras and Nearby European Settlements in the 19th – First Half of the 20th Century: Current Stage of Research". *Academic Dialogue*, no. 7 (2021): 496–512. (In Russian)

27. Yuzefovich T. *Treaties of Russia with the East. Political and Commercia Ones.* St. Petersburg, 1869. 326 p. (In Russian)

28. Yarlykapov Ahmet A. Islam and Tradition in the North Caucasus. In: *Ethnic and Religious Diversity of Russia* (eds. Tishkov V.A., Stepanov V.V). 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: IEA RAN, 2018, pp. 492–506. (In Russian)

29. Yarlykapov Ahmet A. *Islam among the Steppe Nogais*. Moscow: IEA RAN, 2008. 266 p. (In Russian)